

УДК-323.174(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-27-38

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виктор Блануца

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Аннотация

Проанализированы перспективы реализации государственной политики приоритетного социально-экономического развития геостратегических территорий на основе «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.». Цель исследования – проверка соответствия между распределением перспективных экономических специализаций по регионам, размещением перспективных центров экономического роста, формированием макрорегионов, зафиксированных в анализируемой стратегии, и приоритетным положением геостратегических территорий. Для этого территория России условно разделена на две зоны, в которые вошли геостратегические и остальные регионы. По материалам стратегии требовалось доказать, что первая зона имеет приоритетное развитие над второй. Теоретической основой исследования стала концепция экономической конвергенции. Сформулированы четыре гипотезы, связанные с сочетанием перспективных специализаций, их разнообразием, макрорегионами и локализацией центров роста. Предложена количественная мера межрегионального различия по сочетанию перспективных специализаций, разработан алгоритм объединения соседних регионов в группы и проведены соответствующие расчеты. По результатам исследования все гипотезы были отклонены как ошибочные и приняты четыре альтернативные гипотезы, на основе которых сделан вывод об отсутствии приоритетного развития геостратегических регионов над остальными регионами. Поэтому государственная политика пространственного развития в перспективе не приведет к ускоренному развитию геостратегических территорий и сглаживанию межрегиональных различий в Российской Федерации.

Ключевые слова: политика пространственного развития; геостратегическая территория; перспективная экономическая специализация; центр экономического роста; макрорегион; межрегиональное различие; Российская Федерация.

Введение

Государственная политика пространственного развития, нацеленная на повышение качества жизни территориальных сообществ и сглаживание межрегиональных социально-экономических различий, реализуется во многих странах (Balza-Moreno, 2017; Governa & Salone, 2004; Straalen et al., 2016; Varro & Farago, 2016). В Европейском союзе принятие решений на наднациональном уровне осуществляется в соответствии с «политикой территориального сглаживания» (Bachtroeglez et al., 2020; Medeiros, 2017; Nosek, 2017; Rivera & Vazquez, 2019; Sarmiento-Mirwaldt, 2015). Выстраивание политики пространственного развития опирается на специально разработанные стратегии (Cortinovis et al., 2019; Ganzle et al., 2019; Humer, 2018; MacFeely, 2016; Marot & Golobic, 2018). В нашей стране такая работа началась в 2014 г. (Смирнова, 2014), а в феврале 2019 г. была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.»¹ (далее – Стратегия). Этот документ получил критическую оценку в отечественном научном сообществе (Домнина, 2019; Котов, 2019; Лексин, 2019; Минакир, 2019; Сорокина, 2020).

В Стратегии представлены четыре новации: «перспективные экономические специализации субъектов Российской Федерации», «макрорегионы», «перспективные центры экономического роста» и «геостратегические территории». По каждой из них появились первые комментарии (Виленский, 2019; Наумов и Красных, 2019; Преображенский, 2020; Смирнова и Аверина, 2019). Однако в пере-

© Блануца В. И., 2020

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р». URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 20.06.2020).

численных и других публикациях не представлены результаты количественной оценки соответствия между новациями. Поэтому целью исследования стала проверка соответствия между политической установкой на приоритетное развитие геостратегических территорий России и перспективами реализации остальных новаций. В качестве исходных данных использовались сведения, приведенные в четырех приложениях к Стратегии.

Под геостратегической территорией в рассматриваемом документе понимается «территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности» (первый раздел Стратегии). Одна из задач Стратегии – «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации за счет социально-экономического развития геостратегических территорий» (четвертый раздел). Первым направлением развития таких территорий является «содействие повышению конкурентоспособности региональных экономик с учетом перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации, центров экономического роста...» (шестой раздел Стратегии). Отсюда следует, что приоритетное развитие геостратегических территорий в первую очередь связано с двумя отмеченными новациями. Что касается макро-регионов, то по Стратегии они выполняют координационную функцию.

Для проверки рассматриваемого соответствия были сформулированы несколько исходных и альтернативных гипотез исследования, предложена количественная мера межрегионального различия по сочетанию перспективных экономических специализаций и проведены соответствующие расчеты. Обсуждение полученных результатов ориентировано на оценку перспектив государственной политики пространственного развития геостратегических территорий Российской Федерации с учетом выявленного латентного смысла Стратегии.

Гипотезы и методы

Для оценки приоритетности развития некоторых территорий в пределах одного государства целесообразно условно разделить национальное пространство на две зоны – А (анализируемая территория) и Б (большая или остальная часть государства). Каждая из них может объединять определенное количество соседних регионов, существенное сходство или допустимое различие между которыми позволяет выделять подзоны (группы регионов). В нашем исследовании все субъекты (регионы) Российской Федерации, отнесенные по Стратегии к геостратегическим территориям, составили зону А, а остальные регионы («негеостратегические») – зону Б. Если темпы развития зоны А по рассматриваемым параметрам превосходят скорость развития контрольной зоны Б и это происходит благодаря государственной политике пространственного развития, то первую зону можно считать приоритетной в контексте такой политики.

Теоретической основой политики сглаживания межрегиональных различий является концепция «экономической конвергенции» (Barro, 1991; Barro & Sala-i-Martin, 1992; Islam, 2003; Sala-i-Martin, 1996), согласно которой траектории социально-экономического развития регионов сходятся к одному или нескольким иерархическим уровням. В первом случае получается абсолютная (общая), а во втором – относительная (клубная) конвергенция. Обобщая опыт клубной конвергенции регионов из разных стран, входящих в Европейский союз (Barrios et al., 2019; Bartkowska & Riedl, 2012; Lyncker & Thoennesen, 2017; Marelli et al., 2019), можно приравнять зону А к отдельному, геостратегическому клубу российских регионов. Тогда первая исходная гипотеза исследования (H_1) будет заключаться в возможности существования в будущем (согласно перспективному видению ситуации по Стратегии) одного множества (клуба) регионов {А}, внутри которого межрегиональные различия будут допустимыми. Если различия между регионами зоны А будут настолько существенны, что вместо одного множества сформируется несколько клубов (подзон), то H_1 признается ошибочной и принимается альтернативная гипотеза – геостратегические территории не составляют единое целое (H_{1A}), что указывает на неправильное определение {А} в Стратегии. Исходя из зависимости процесса конвергенции от специфики набора экономических специализаций (Brenner & Kauermann, 2016; Chapman & Melicani, 2017), будущие межрегиональные различия можно оценить по сочетанию перспективных экономических специализаций регионов России, приведенных в приложении 1 к Стратегии. Методика выявления клубов конвергенции обычно опирается на иерархический кластерный анализ (Barrios et al., 2019; Gozgor et al., 2019).

Допустим, межрегиональные различия в зоне А настолько велики, что в обозримом будущем траектории развития регионов этой зоны не смогут сойтись на одном уровне и, соответственно, образовать один клуб конвергенции. В такой ситуации (H_{1A}) государственная политика пространственного развития может ориентироваться на координацию геостратегических территорий в рамках нескольких макрорегионов (подзон, клубов). Тогда вторая исходная гипотеза исследования (H_2) будет заключаться в делении без остатка зоны А на несколько подзон (A1, A2, ...), каждая из которых соответствует определенному макрорегиону, зафиксированному в Стратегии. Возможность такого допущения обосновывается тем, что существует «значительный потенциал межрегионального сотрудничества в рамках реализации перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации ... в пределах макрорегионов» (шестой раздел Стратегии). Если подзоны, выявленные по сочетанию перспективных специализаций, не укладываются в макрорегионы, то H_2 отклоняется и принимается альтернативная гипотеза – дифференциация геостратегических территорий не соответствует макрорегионам (H_{2A}).

При H_{1A} и H_{2A} теоретически не исключена ситуация, когда каждый регион неоднородной зоны А получит приоритетное развитие за счет разнообразия перспективных специализаций, превышающее аналогичное разнообразие в зоне Б. Подобное заключение основано на европейской политике приоритетного развития Альпийского, Балтийского и Дунайского макрорегионов (Capello & Cerisola, 2019; Tursie, 2015). Методически это выражается в определении среднего количества перспективных специализаций в регионе из зоны Б и сравнении этого значения с числом специализаций в каждом регионе зоны А. Отсюда можно вывести третью гипотезу исследования (H_3): развитие геостратегических территорий может считаться приоритетным при наличии в каждом регионе такого количества перспективных специализаций, которое не меньше, чем в среднем по негеостратегическим территориям. В случае существования регионов, не вписывающихся в такую политику, принимается альтернативная гипотеза – количество перспективных экономических специализаций в геостратегических регионах не указывает на приоритетность их развития относительно остальных регионов (H_{3A}).

Последняя гипотеза исследования связана с распределением перспективных центров экономического роста по зонам А и Б. Можно предположить, что ускоренное развитие геостратегических территорий будет происходить за счет сосредоточения в их пределах большего количества перспективных центров, чем в остальных регионах (H_4). Теоретическую основу такой политики составляет концепция «полюсов роста» (Darwent, 1969; Patg, 1999; Perroux, 1950), согласно которой концентрация экономической деятельности на ограниченной территории (в полюсах) со временем должна привести к развитию остальной (вне полюсов) территории. Эта концепция неоднократно критиковалась из-за ее противоречия идеям «сглаживания различий», поскольку она нацелена на усиление межрегиональных социально-экономических различий без гарантии будущего подъема периферийных территорий (Hansen, 1975; Lasuen, 1969). Несмотря на это, данная концепция используется в политике пространственного развития (Cortinovis et al., 2019; Humer, 2018; Straalen et al., 2016). Если в зоне Б будет локализовано больше перспективных центров, чем в зоне А, то вместо H_4 принимается H_{4A} , что указывает на отсутствие приоритета развития геостратегических территорий за счет полюсов роста.

Расчет значения межрегиональных различий по сочетанию перспективных экономических специализаций можно проводить по следующей формуле:

$$D_{ij} = 1 - \frac{2N_{ij}}{N_i + N_j},$$

где D_{ij} – количественная мера различия между регионами i и j ; N_{ij} – количество перспективных специализаций, встречающихся как в регионе i , так и в регионе j ; N_i и N_j – общее количество специализаций в i и j . Если в двух регионах встречаются одни и те же специализации, то $D_{ij} = 0$, а при отсутствии совпадающих специализаций $D_{ij} = 1$. Допустимым различием между сравниваемыми социально-экономическими структурами является отклонение до 50%, так как при превышении этой величины могут формироваться структуры с другим доминирующим сочетанием (Блануца,

2018). Из этого следует, что при $D_{ij} \leq 0,50$ различия между двумя регионами по сочетанию перспективных экономических специализаций можно считать допустимыми, а при $D_{ij} \geq 0,51$ – недопустимыми.

Опираясь на идеи кластерного анализа и группировки регионов с учетом их соседства (Блануца, 2018), был разработан алгоритм выявления клубов конвергенции на основе предложенной меры различия. Основной операцией алгоритма стало последовательное расширение группы регионов (клуба) до тех пор, пока эта группа не будет окружена соседними регионами с недопустимым различием хотя бы с одним регионом из группы. Начиналась операция с выбора двух регионов с минимальным различием, после чего к ним присоединялся соседний регион с наименьшим различием до одного и допустимым различием до другого исходного региона. Если второе условие не выполнялось, то присоединение нового региона к группе не происходило. После выделения первого клуба среди оставшихся регионов опять выбиралась пара с наименьшим различием и повторялись все действия. В зависимости от различий между регионами и их соседства может идентифицироваться от одного (между всеми регионами $D_{ij} \leq 0,50$) до максимального числа клубов, соответствующего количеству анализируемых регионов (между всеми соседями $D_{ij} \geq 0,51$).

Результаты и обсуждение

К геостратегическим территориям Российской Федерации отнесены эксклавные (Республика Крым, г. Севастополь, Калининградская область), северо-кавказские (весь федеральный округ), дальневосточные (весь округ), арктические и приграничные регионы (приложение 4 к Стратегии). Несколько субъектов частично относились к Арктической зоне и по этим частям не приведены перспективные специализации. Поэтому в исследовании с учетом расположения основных экономических центров Республика Коми и Красноярский край в целом не отнесены к геостратегическим территориям, а Архангельская область отнесена. Проще было с арктическими территориями в Республике Саха (Якутия) как дальневосточном регионе и Республике Карелия как приграничным регионом. В итоге получилось 48 геостратегических регионов, которые составили зону А. Оставшиеся 37 регионов вошли в зону Б.

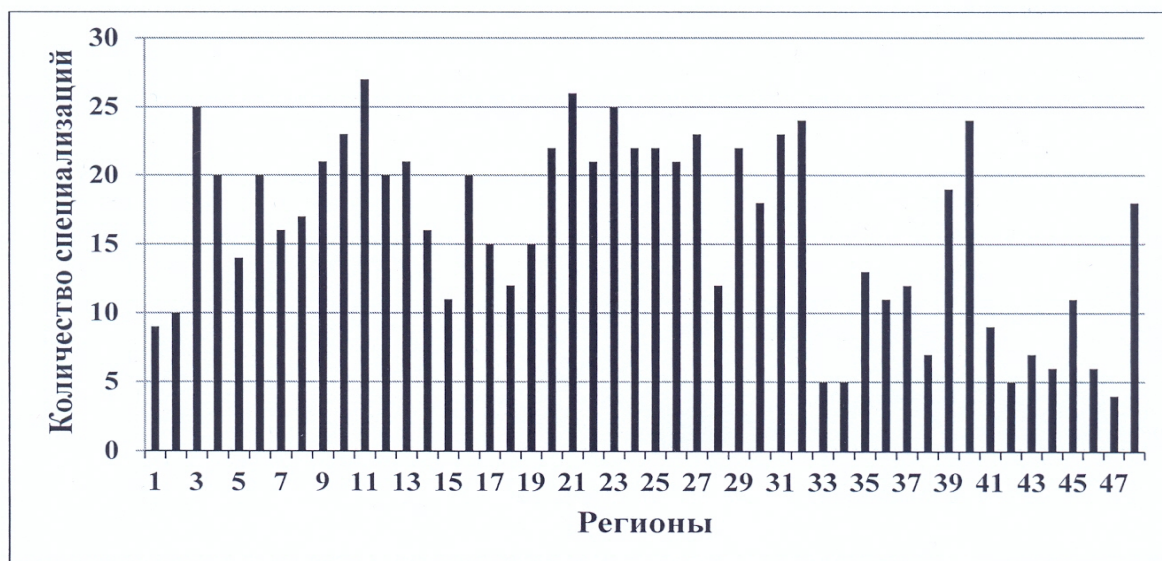
В Стратегии отмечены 34 перспективные экономические специализации, отнесенные к 84 регионам (по Москве как городу федерального значения нет данных). Наиболее распространенными специализациями стали «производство прочих готовых изделий» (перспективно для 83 регионов), «туризм» (72), «растениеводство и животноводство» (70), «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки» (68), «производство пищевых продуктов» (68), «производство химических веществ и химических продуктов» (67) и «производство электрического оборудования» (66), а реже всего встречаются «обеспечение электрической энергией, газом и паром» (только в Амурской области), «ремонт и монтаж машин и оборудования (ремонт и техническое обслуживание судов и лодок)» (только в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области) и «производство табачных изделий» (в 5 регионах). Среди регионов наибольшее количество перспективных специализаций отмечено в Республике Татарстан, Нижегородской и Ростовской областях (по 27), а меньше всего – в Ненецком автономном округе (4).

Выявление клубов конвергенции началось с объединения Калужской и Орловской областей, между которыми зафиксировано наименьшее различие по сочетанию перспективных специализаций ($D_{ij} = 0,06$), после чего к ним последовательно присоединились Курская, Тульская, Рязанская области и еще ряд регионов. В итоге в первый клуб вошли 56 регионов. Затем были выявлены еще 7 групп, а 8 регионов не смогли ни с кем объединиться. На основании полученных результатов зона А разделена на следующие подзоны: А1 (Ленинградская и Калининградская области), А2 (Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская, Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская и Челябинская области, Краснодарский и Ставропольский край, Республики Крым, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия-Алания и Дагестан, г. Севастополь), А3 (Тюменская, Омская и Новосибирская области, Алтайский край), А4 (Республика Ингушетия и Чеченская Республика), А5 (Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа), А6 (Хабаровский и Приморский край, Республика Саха (Якутия)), А7 (Сахалинская и Магаданская области, Камчатский край, Чукотский автономный округ), А8 (Республика Бурятия, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область), А9 (Республика Карелия и Архангельская область), А10 (Рес-

публики Алтай и Тыва), А11 (Мурманская область), А12 (Псковская область), А13 (Карачаево-Черкесская Республика) и А14 (Курганская область). Из них три подзоны (А1, А2 и А3) представляют собой фрагменты первого общероссийского клуба конвергенции регионов по перспективным специализациям, полученные в результате вычленения геостратегических территорий. Таким образом, вместо одной зоны по первой исходной гипотезе получилось 14 подзон, что дает основание принять альтернативную гипотезу (H_{1A}).

Переходя к проверке второй гипотезы исследования, отметим, что в Стратегии макрорегионы связаны с федеральными округами: Южный, Северо-Кавказский, Уральский и Дальневосточный округа стали макрорегионами, а каждый из оставшихся четырех округов разделен на два макрорегиона (Центральный – на Центральный и Центральнo-Черноземный, Северо-Западный – на Северо-Западный и Северный, Приволжский – на Волго-Камский и Волго-Уральский, Сибирский – на Южно-Сибирский и Ангаро-Енисейский). Из 12 только 2 макрорегиона – Северо-Кавказский (7 регионов) и Дальневосточный (11 регионов) – представляют сплошную геостратегическую территорию. Волго-Камский макрорегион (8 регионов) полностью входит в зону Б, а остальные макрорегионы имеют только отдельные геостратегические регионы (2 из 12 в Центральном, 3 из 5 в Центральнo-Черноземном, 5 из 8 в Северо-Западном, 2 из 3 в Северном, 6 из 8 в Южном, 3 из 6 в Волго-Уральском, 4 из 6 в Урало-Сибирском, 4 из 6 в Южно-Сибирском и 1 из 4 в Ангаро-Енисейском макрорегионе). Получается, что из 48 геостратегических регионов только 18 полностью вписываются в 2 макрорегиона, а 9 макрорегионов имеют смешанный состав (30 геостратегических и 28 негеостратегических регионов). Эти результаты подтверждают вторую альтернативную гипотезу (H_{2A}).

По третьей гипотезе рассчитано среднеарифметическое значение количества перспективных экономических специализаций в регионе зоны Б, которое составило 19. Что касается анализируемой зоны А, то здесь на один регион приходится в среднем 16,15 специализаций. Таким образом, геостратегические регионы не имеют преимущества над остальными регионами России по разнообразию перспективных специализаций, что позволяет принять H_{3A} . При этом 22 региона зоны А имеют 19 и более специализаций (рисунок), что не дает основания считать их проблемными. Все эти регионы находятся в подзонах А1, А2, А3 и А6. Меньше всего перспективных специализаций в подзонах А5 (в среднем 5), А10 (5), А7 (6), А11 (9) и А8 (10). Надо понимать, что ускоренное развитие региона может происходить и при, например, одной-двух специализациях. Однако в таком случае есть риск превращения в «монорегион» (по аналогии с моногородом). В условиях современного экономического кризиса, вызванного падением нефтяных цен и приостановкой деятельности ряда отраслей из-за пандемии коронавируса, разнообразие специализаций – необходимое условие функционирования экономики региона. В каком экономическом положении может оказаться регион, специализирующийся, к примеру, только на добыче нефти и международном туризме? Понятно, что и у региона с несколькими десятками специализаций будут проблемы, но его экономика будет функционировать.

Количество перспективных экономических специализаций в геостратегических регионах по «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»

Регионы: 1 – Мурманская область (обл.), 2 – Республика Карелия, 3 – Ленинградская обл., 4 – Калининградская обл., 5 – Псковская обл., 6 – Смоленская обл., 7 – Брянская обл., 8 – Курская обл., 9 – Белгородская обл., 10 – Воронежская обл., 11 – Ростовская обл., 12 – Краснодарский край, 13 – Республика Крым, 14 – г. Севастополь, 15 – Карачаево-Черкесская Республика, 16 – Кабардино-Балкарская Республика, 17 – Республика Северная Осетия-Алания, 18 – Республика Ингушетия, 19 – Чеченская Республика, 20 – республика Дагестан, 21 – Ставропольский край, 22 – Астраханская обл., 23 – Волгоградская обл., 24 – Саратовская обл., 25 – Самарская обл., 26 – Оренбургская обл., 27 – Челябинская обл., 28 – Курганская обл., 29 – Тюменская обл., 30 – Омская обл., 31 – Новосибирская обл., 32 – Алтайский край, 33 – Республика Алтай, 34 – Республика Тыва, 35 – Республика Бурятия, 36 – Забайкальский край, 37 – Амурская обл., 38 – Еврейская автономная область, 39 – Хабаровский край, 40 – Приморский край, 41 – Сахалинская обл., 42 – Магаданская обл., 43 – Камчатский край, 44 – Чукотский автономный округ, 45 – Республика Саха (Якутия), 46 – Ямало-Ненецкий автономный округ, 47 – Ненецкий автономный округ, 48 – Архангельская обл.

К перспективным центрам экономического роста по Стратегии отнесены 20 (в том числе 10 в зоне А) городских агломераций с численностью населения более 1 млн чел., 21 (10) агломерация с меньшей людностью (500–1000 тыс. чел.), 23 (12) города и группы городов до 500 тыс. чел., 31 (22) региональный административный центр (менее 500 тыс. чел.), минерально-сырьевые центры в 16 (9) регионах, агропромышленные центры в 15 (8) регионах и 19 (9) научно-образовательных центров. При относительном равенстве распределения таких центров по двум зонам надо учитывать, что в зону А входят 48, а в Б – 37 регионов. Поэтому геостратегические территории не имеют приоритета в размещении перспективных центров. Не все эти центры располагают потенциалом для запуска агломерационных процессов и стимулирования развития окружающих территорий. Такие процессы запускаются городами с населением свыше 250 тыс. человек, а в некоторых случаях и свыше 100 тыс. чел. (Полян, 1988). Поэтому были введены четыре уровня количества населения (100–249, 250–499, 500–999, 1000 тыс. чел. и более) и по данным Росстата¹ зафиксировано распределение городов по зонам и подзонам (таблица). Размещение городов в двух зонах не указывает на предпочтительность геостратегических территорий, а если учитывать только проблемные территории (подзоны А4, А5, А7–А14), то там нет ни одного города с населением более 500 тыс. чел., что не позволяет рассчитывать на пространственное развитие за счет крупных центров экономического роста. Полученные результаты дают основание отклонить H_4 и принять $H_{4.4}$.

Распределение российских городов с разным количеством населения по геостратегическим (подзоны А1–А14) и негеостратегическим (зона Б) территориям (составлено по данным Росстата на 01.01.2019)

Численность населения, тыс. чел.	Количество городов, шт.		
	Подзоны А1–А3, А6	Подзоны А4, А5, А7–А14	Зона Б
100–249	35	11	46
250–499	14	7	20
500–999	10	0	12
1000 и более	7	0	8

Общим результатом исследования стало отсутствие оснований для принятия всех четырех исходных гипотез, которые были сформулированы как подтверждение установки Стратегии на приоритетное развитие геостратегических территорий Российской Федерации. Получается, что латентный (скрытый) смысл проанализированного стратегического документа и, как следствие, государственной политики пространственного развития противоречит декларированию приоритетного социально-экономического развития зоны А и «сокращения межрегиональных различий» с зоной Б. Нет никаких

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 20.06.2020).

перспектив схождения разнородных геостратегических регионов в один клуб конвергенции. Эти регионы объединяет только одно – географическое положение на окраинах России. Отсюда можно сделать геополитический вывод: Стратегия нацелена на сохранение за зоной А статуса своеобразного буфера между срединными, развитыми регионами России и зарубежными государствами. По крайней мере, из четырех приложений к Стратегии не следует перенос экономической активности в зону А, а наблюдается только сохранение существующих межрегиональных диспропорций (в том числе в зоне А, где есть относительно развитые подзоны А1, А2, А3 и А6).

Наиболее удобной формой обсуждения полученных результатов является сравнение с выводами аналогичных исследований. Однако к настоящему времени отсутствуют научные публикации по оценке перспектив развития геостратегических территорий России посредством реализации других новаций Стратегии. Поэтому отметим только противоречия в выделении макрорегионов, перспективных экономических специализаций и центров экономического роста, связанные с приоритетным развитием зоны А. Из Стратегии не следует, что для выявления макрорегионов использовалась современная методология социально-экономического районирования (Блануца, 2018) или советский опыт экономического районирования. Выделение в четырех федеральных округах по два макрорегиона носит случайный характер, никак не связанный с координацией развития геостратегических территорий. Если так необходимо развивать Арктическую зону России, то почему не выделен Арктический макрорегион? На юге Сибири и Дальнего Востока находится ряд слаборазвитых регионов, которые можно объединить в Южно-Восточный макрорегион. Конечно, это не вписывается в сетку федеральных округов. Но почему новые надрегиональные образования (макрорегионы) должны привязываться к старым образованиям (федеральным округам)? Особенно непонятна такая привязка в связи с политической произвольностью и экономической необоснованностью выделения самих федеральных округов.

Распределение перспективных экономических специализаций по российским регионам также вызывает много вопросов. Если Стратегия нацелена на сокращение межрегиональных различий, то как будут ускоренно развивать проблемные геостратегические территории (подзоны А4, А5, А7–А14) при столь ограниченном числе специализаций? Понятно, что до 2025 г. в таких регионах не получится развернуть крупное капиталоемкое производство. Однако существуют другие драйверы экономического роста. Например, внутренний и въездной туризм, развитие которого стало особо актуальным в связи с ожидаемым окончанием пандемии коронавируса. Поэтому представляется весьма странным отсутствие в Стратегии перспектив развития туризма в геостратегических регионах с уникальными природными и этнографическими комплексами (Республика Тыва, Забайкальский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Многие проблемные регионы зоны А специализируются на «лесоводстве и лесозаготовке», но в них не планируется развивать «обработку древесины и производство изделий из дерева, кроме мебели» (Республики Алтай и Тыва, Камчатский край) и «производство мебели» (кроме трех перечисленных регионов еще Республики Бурятия и Карелия, Забайкальский край, Амурская и Архангельская области, Еврейская автономная область).

Перспективные центры экономического роста связаны с региональными столицами, крупными и крупнейшими городскими агломерациями. Однако вне их в зоне А размещен ряд городов с численностью населения более 100 тыс. человек, которые потенциально могут выполнять функцию центра роста и не включены в Стратегию. В проблемных геостратегических регионах такими центрами могут стать Северодвинск (Архангельская область; 182,3 тыс. чел. на 01.01.2019 по данным Росстата), Новый Уренгой (116,9) и Ноябрьск (106,1; оба в Ямало-Ненецком автономном округе). На остальной территории зоны А находятся перспективные города Керчь (151,0; Республика Крым), Армавир (190,2; Краснодарский край), Бийск (200,6; Алтайский край), Рубцовск (142,6; Алтайский край), Старый Оскол (223,8; Белгородская область), Камышин (110,3; Волгоградская область), Орск (227,9; Оренбургская область) и Волгодонск (172,0; Ростовская область). Перечисленные города не входят в зоны воздействия региональных столиц, и за счет удаленного расположения могут формировать самостоятельные полюса роста. Конечно, эти города (кроме Нового Уренгоя и Ноябрьска) по экономическому потенциалу значительно уступают своим региональным столицам, но значительно превосходят, например, Анадырь (15,8 тыс. чел.), Биробиджан (73,1) и Горно-Алтайск (63,8), включенные в Стратегию.

Противоречия в политике пространственного развития характерны не только для России, но и в других странах пытаются скорректировать национальные стратегии (Cortinovis et al., 2019; Demaziere, 2018; Humer, 2018; MacFeely, 2016; Lennon et al., 2018; Marot & Golobic, 2018; Papageorgiou,

2017; Straalen et al., 2016; Varro & Farago, 2016). Применительно к отечественной стратегии такие попытки на официальном уровне не зафиксированы. Будем надеяться, что возрастающее количество выявленных ошибок и противоречий в Стратегии, включая результаты нашего исследования, перерастет в необходимость существенной корректировки, а может быть, и создания нового документа по пространственному развитию Российской Федерации.

Заключение

Проведенное исследование нацелено на сравнение декларируемых установок Стратегии с ее латентным смыслом, выявляемым через анализ перспективных экономических специализаций регионов, состава макрорегионов и локализации перспективных центров экономического роста, для определения перспектив государственной политики приоритетного развития геостратегических территорий Российской Федерации. Проверка четырех гипотез исследования, сформулированных по декларируемым установкам, показала, что эти установки не соответствуют латентному смыслу. Поэтому политика пространственного развития, опирающаяся на Стратегию, не приведет к повышенным темпам экономического роста геостратегических регионов и их экономической конвергенции с негеостратегическими регионами России. При такой политике в перспективе до 2025 г. в лучшем случае сохранятся существующие различия между зонами А и Б (пессимистический сценарий связан с увеличением различий за счет опережающего развития городских агломераций второй зоны, в первую очередь, – Московской агломерации).

Дальнейшие исследования по данной проблематике могут быть связаны с проверкой соответствия между макрорегионами и перспективными экономическими специализациями, перспективными центрами экономического роста и макрорегионами, перспективными экономическими специализациями и центрами экономического роста. Что касается геостратегических территорий, то необходимо выполнить комплексное обоснование целесообразности их выделения. Если не проводить подобные исследования и не акцентировать внимание на существующих проблемах, то в Стратегии сохранятся ошибки и противоречия, которые будут препятствовать реализации цели и задач государственной политики пространственного развития Российской Федерации.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ регистрации темы АААА-А17-117041910166-3).

Библиографический список

- Блануца, В. И. (2018) *Социально-экономическое районирование в эпоху больших данных*. Москва: ИНФРА-М. [Blanutsa, V. I. (2018) *Socio-Economic Regionalization in the Era of Big Data* [Social'no-ekonomicheskoe rajonirovanie v epohu bol'shikh dannyh]. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.)].
- Виленский, А. В. (2019) 'Малое предпринимательство в геостратегических территориях России', *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 9(9-1), сс. 251–259. [Vilensky, A. V. (2019) 'Small business in the geostrategic territories of Russia' [Maloe predprinimatel'stvo v geostrategicheskikh territoriyah Rossii], *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*, 9(9-1), pp. 251–259, DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.029. (In Russ.)].
- Домнина, И. Н. (2019) 'Инвестиционные сценарии и ограничения новой модели пространственного развития российской экономики', *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 9(9-1), сс. 260–271. [Domnina, I. N. (2019) 'Investment scenarios and limitations of the new model of spatial development of the Russian economy' [Investicionnye scenarii i ograniчениya novoj modeli prostranstvennogo razvitiya rossijskoj ekonomiki], *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 9(9-1), pp. 260–271, DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.030. (In Russ.)].
- Котов, А. В. (2019) 'Экспорториентированная сырьевая модель российской экономики: в поисках новой модели пространственного развития', *Национальная безопасность и стратегическое планирование*, 2, сс. 5–16. [Kotov, A. V. (2019) 'Export-oriented raw material model of the Russian economy: in search of a new model of spatial development'

- [Eksportoorientirovannaya syr'evaaya model' rossijskoj ekonomiki: v poiskah novoj modeli prostranstvennogo razvitiya], *National Security and Strategic Planning*, 2, pp. 5–16. (In Russ.).]
- Лексин, В. Н. (2019) 'Дороги, которые мы не выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»)', *Российский экономический журнал*, 3, сс. 3–24. [Leksin, V. N. (2019) 'Roads that we don't choose (on the government's "Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the Period until 2025")' [Dorogi, kotorye my ne vybiraem (o pravitel'stvennoj «Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda»)], *Russian Economic Journal*, 3, pp. 3–24. (In Russ.).]
- Минакир, П. А. (2019) 'Российское экономическое пространство: стратегические тупики', *Экономика региона*, 15(4), сс. 967–980. [Minakir, P. A. (2019) 'Russian economic space: Strategic deadlocks' [Rossijskoe ekonomicheskoe prostranstvo: strategicheskie tupiki], *Economy of Region*, 15 (4), pp. 967–980, DOI: 10.17059/2019-4-1. (In Russ.).]
- Наумов, И. В., Красных, С. С. (2019) 'Исследование межрегиональных взаимосвязей в процессах развития минерально-сырьевого комплекса Российской Федерации', *Известия высших учебных заведений. Горный журнал*, 8, сс. 108–124. [Naumov, I. V., Krasnykh, S. S. (2019) 'Investigation of interregional relationships in the development of the mineral resource complex of the Russian Federation' [Issledovanie mezhhregional'nyh vzaimosvyazey v processah razvitiya mineral'no-syr'evogo kompleksa Rossijskoj Federacii], *News of Higher Educational Institutions. Mountain Magazine*, 8, pp. 108–124, DOI: 10.21440/0536-1028-2019-8-108-124. (In Russ.).]
- Полян, П. М. (1988) *Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения*. Москва: Издание Института географии АН СССР. [Polyan, P. M. (1988) *Method of Selection and Analysis for the Support Frame of Settlements*. [Metodika vydeleniya i analiza opornogo karkasa rasseleniya.]. Moscow: Edition of the Institute of Geography, USSR Academy of Sciences (In Russ.).]
- Преображенский, Ю. В. (2020) 'Макрорегионы как надрегиональные инновационные системы: проблема перетока знаний', *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле*, 20(1), сс. 17–22, DOI: 10.18500/1819-7663-2020-20-1-17-22. [Preobrazhensky, Yu. V. (2020) 'Macro-regions as supra-regional innovative systems: the problem of the flow of knowledge' [Makroregiony kak nadregional'nye innovacionnye sistemy: problema peretoka znaniy], *News of Saratov University. New Series. Series: Earth Sciences*, 20 (1), pp. 17–22, DOI: 10.18500/1819-7663-2020-20-1-17-22. (In Russ.).]
- Смирнова, О. О. (2014) 'Главная государственная «точка роста» России: стратегия пространственного развития Российской Федерации и генеральная схема размещения и развития производительных сил СССР. Методологические основы', *Современные производительные силы*, 3, сс. 14–21. [Smirnova, O. O. (2014) 'The main state "growth point" of Russia: The spatial development strategy of the Russian Federation and the general layout of the distribution and development of the productive forces of the USSR. Methodological Foundations' [Glavnaya gosudarstvennaya «tochka rosta» Rossii: strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii i general'naya skhema razmeshcheniya i razvitiya proizvoditel'nyh sil SSSR. Metodologicheskie osnovy], *Modern Productive Forces*, 3, pp. 14–21. (In Russ.).]
- Смирнова, О. П., Аверина, Л. М. (2019) 'Исследование особенностей перспективной экономической специализации индустриального региона', *Региональная экономика: теория и практика*, 17(6), сс. 1006–1018. [Smirnova, O. P., Averina, L. M. (2019) 'Investigation of the features of the promising economic specialization of an industrial region' [Issledovanie osobennostey perspektivnoj ekonomicheskoy specializacii industrial'nogo regiona], *Regional Economics: Theory and Practice*, 17(6), pp. 1006–1018. (In Russ.).]
- Сорокина, Н. Ю. (2020) 'Общесистемные проблемы пространственного развития Российской Федерации', *Региональная экономика. Юг России*, 8(1), сс. 4–15. [Sorokina, N. Yu. (2020) 'System-wide

- problems of spatial development of the Russian Federation' [Obshchestvennyye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii], *Regional Economics. South of Russia*, 8(1), pp. 4–15, DOI: 10.15688/re.volsu.2020.1.1. (In Russ.).
- Bachtroeglez, J., Fratesi, U., Perucca, G. (2020) 'The influence of the local context on the implementation and impact of EU Cohesion Policy', *Regional Studies*, 54(1), pp. 21–34, DOI: 10.1080/00343404.2018.1551615.
- Balza-Moreno, L. F. (2017) 'Polycentrism, planning, and territorial development of public policies in Venezuela and Argentina', *Revista Geografica Venezolana*, 58(2), pp. 282–305.
- Barrios, C., Flores, E., Angeles, M. M. (2019) 'Club convergence in innovation activity across European regions', *Papers in Regional Science*, 98(4), pp. 1545–1565, DOI: 10.1111/pirs.12429.
- Barro, R. J. (1991) 'Economic growth in a cross section of countries', *The Quarterly Journal of Economics*, 106(2), pp. 407–443.
- Barro, R. J., Sala-i-Martin X. (1992) 'Convergence', *Journal of Political Economy*, 100(2), pp. 223–251.
- Bartkowska, M., Riedl, A. (2012) 'Regional convergence clubs in Europe: Identification and conditioning factors', *Economic Modelling*, 29, pp. 22–31, DOI: 10.1016/j.econmod.2011.01.013.
- Brenner, T., Kauermann, G. (2016) 'Specialization and convergence of industry-specific employment in Germany: A linear mixed-model approach with spatial components', *Regional Studies*, 50(2), pp. 326–341, DOI: 10.1080/00343404.2014.920082.
- Capello, R., Cerisola, S. (2019) 'Competitiveness through integration in the European Union Strategy for the Alpine Region: A "balanced development" approach', *European Planning Studies*, 27(5), pp. 1013–1034, DOI: 10.1080/09654313.2019.1588860.
- Chapman, S., Meliciani, V. (2017) 'Behind the Pan-European convergence path: The role of innovation, specialisation and socio-economic factors', *Growth and Change*, 48(1), pp. 61–90, DOI: 10.1111/grow.12148.
- Cortinovis, C., Haase, D., Zanon, B., Geneletti, D. (2019) 'Is urban spatial development on the right track? Comparing strategies and trends in the European Union', *Landscape and Urban Planning*, 181, pp. 22–37, DOI: 10.1016/j.landurbplan.2018.09.007.
- Darwent, D. F. (1969) 'Growth poles and growth centers in regional planning – A review', *Environment and Planning A: Economy and Space*, 1(1), pp. 5–31.
- Demaziere, C. (2018) 'Strategic spatial planning in a situation of fragmented local government: The case of France', *DISP*, 54(2), pp. 58–76, DOI: 10.1080/02513625.2018.1487645.
- Ganzle, S., Stead, D., Sielker, F., Chilla T. (2019) 'Macro-regional strategies, cohesion policy and regional cooperation in the European Union: Towards a research agenda', *Political Studies*, 17(2), pp. 161–174, DOI: 10.1177/1478929918781982.
- Governa, F., Salone, C. (2004) 'Territories in action, territories for action: The territorial dimension of Italian local development policies', *International Journal of Urban and Regional Research*, 28(4), pp. 796–818, DOI: 10.1111/j.0309-1317.2004.00552.x.
- Gozgor, G., Lau, C. K. M., Lu, Z. (2019) 'Convergence clustering in the Chinese provinces: New evidence from several macroeconomic indicators', *Review of Development Economics*, 23(3), pp. 1331–1346, DOI: 10.1111/rode.12590.
- Hansen, N. M. (1975) 'An evolution of growth-center theory and practice', *Environment and Planning A: Economy and Space*, 7(7), pp. 821–832.
- Humer, A. (2018) 'Linking polycentricity concepts to periphery: Implication for an integrative Austrian strategic planning practice', *European Planning Studies*, 26(4), pp. 635–652, DOI: 10.1080/09654313.2017.1403570.
- Islam, N. (2003) 'What have we learnt from the convergence debate?', *Journal of Economic Surveys*, 17(3), pp. 309–362, DOI: 10.1111/1467-6419.00197.
- Lasuen, J. R. (1969) 'On growth poles', *Urban Studies*, 6(2), pp. 137–161, DOI: 10.1080/00420986920080231.
- Lennon, M., Scott, M., Russell, P. (2018) 'Ireland's new national planning framework: (Re)balancing and (re)conceiving planning for the twenty-first century?', *Planning Practice and Research*, 33(5), pp. 491–505, DOI: 10.1080/02697459.2018.1531581.
- Lyncker, K., Thoennesen, R. (2017) 'Regional club convergence in the EU: Evidence from a panel data analysis', *Empirical*

- Economics*, 52(2), pp. 525–553, DOI: 10.1007/s00181-016-1096-2.
- MacFeely, S. (2016) ‘Opportunism over strategy: A history of regional policy and spatial planning in Ireland’, *International Planning Studies*, 21(4), pp. 377–402, DOI: 10.1080/13563475.2016.1162403.
- Marelli, E. P., Parisi, M. L., Signorelli, M. (2019) ‘Economic convergence in the EU and Eurozone’, *Journal of Economic Studies*, 46(7), pp. 1332–1344, DOI: 10.1108/jes-03-2019-0139.
- Marot, N., Golobic, M. (2018) ‘Delivering a national spatial development strategy: A success story?’, *European Planning Studies*, 26(6), pp. 1202–1221, DOI: 10.1080/09654313.2018.1459502.
- Medeiros, E. (2017) ‘European Union Cohesion Policy and Spain: A territorial impact assessment’, *Regional Studies*, 51(8), pp. 1259–1269, DOI: 10.1080/00343404.2016.1187719.
- Nosek, S. (2017) ‘Territorial cohesion storylines in 2014–2020 Cohesion Policy’, *European Planning Studies*, 25(12), pp. 2157–2174, DOI: 10.1080/09654313.2017.1349079.
- Papageorgiou, M. (2017) ‘Spatial planning in transition in Greece: A critical overview’, *European Planning Studies*, 25(10), pp. 1818–1833, DOI: 10.1080/09654313.2017.1344194.
- Parr, J. B. (1999) ‘Growth-pole strategies in regional economic planning: A retrospective view. Part 1. Origins and advocacy’, *Urban Studies*, 36(7), pp. 1195–1215, DOI: 10.1080/0042098993187.
- Perroux, F. (1950) ‘Economic space: Theory and application’, *The Quarterly Journal of Economics*, 64(1), pp. 89–104.
- Rivera, P. P., Vazquez, F. J. C. (2019) ‘Rethinking the territorial cohesion in the EU: Institutional and functional elements of the concept’, *Eastern Journal of European Studies*, 10(2), pp. 41–62.
- Sala-i-Martin, X. (1996) ‘Regional cohesion: Evidence and theories of regional growth and convergence’, *European Economic Review*, 40(6), pp. 1325–1352, DOI: 10.1016/0014-2921(95)00029-1.
- Sarmiento-Mirwaldt, K. (2015) ‘Can multiple streams predict the territorial cohesion debate in the EU?’, *European Urban and Regional Studies*, 22(4), pp. 431–445, DOI: 10.1177/0969776413481984.
- Straalen, van F. M., Brink, van den A., Tatenhove, van J. (2016) ‘Integration and decentralization: The evolution of Dutch regional land policy’, *International Planning Studies*, 21(2), pp. 148–163, DOI: 10.1080/13563475.2015.1115338.
- Tursie, C. (2015) ‘Macro-regional strategies of European integration. What can be Danube Region learn from the Baltic Sea Region?’, *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 183, pp. 1–10.
- Varro, K., Farago, L. (2016) ‘The politics of spatial policy and governance in post-1990 Hungary: The interplay between European and national discourses of space’, *European Planning Studies*, 24(1), pp. 39–60, DOI: 10.1080/09654313.2015.1066760.

Информация об авторе

Блануца Виктор Иванович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск). E-mail: blanutsa@list.ru (ORCID: 0000-0003-3958-216X. ResearcherID: G-7172-2016).

Статья принята к печати: 30.10.2020

SPATIAL DEVELOPMENT PROSPECTS FOR GEOSTRATEGIC TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. I. Blanutsa

V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk)

Abstract

By analyzing the “Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation for the Period until 2025” the study aimed to verify the correspondence between the distribution of promising economic specializations by region, the location of promising centers of economic growth, the formation of macro-regions, and the

prioritized position of geostrategic territories. To execute that the territory of Russia was divided into two zones. Based on the Strategy content, it was required to prove that the development of the first zone had a priority. The study's theoretical basis was the concept of economic convergence. Based on a combination of promising specializations, their diversity, macro-regions, and the localization of growth centers four research hypotheses were formulated. A quantitative measure of interregional differences in the combination of promising specializations was proposed, an algorithm for combining neighboring regions into groups was developed, and corresponding calculations were carried out. As a result, all hypotheses were rejected as erroneous and four alternative hypotheses were accepted. The latter ones allowed the conclusion that there was no prioritized development for specific geostrategic regions. Therefore, the state policy of spatial development in the future will not lead to accelerated development of geostrategic territories and to the smoothing of interregional differences in Russia.

Keywords: spatial development policy; geostrategic territory; promising economic specialization; economic growth center; macro-region; interregional difference; Russian Federation.